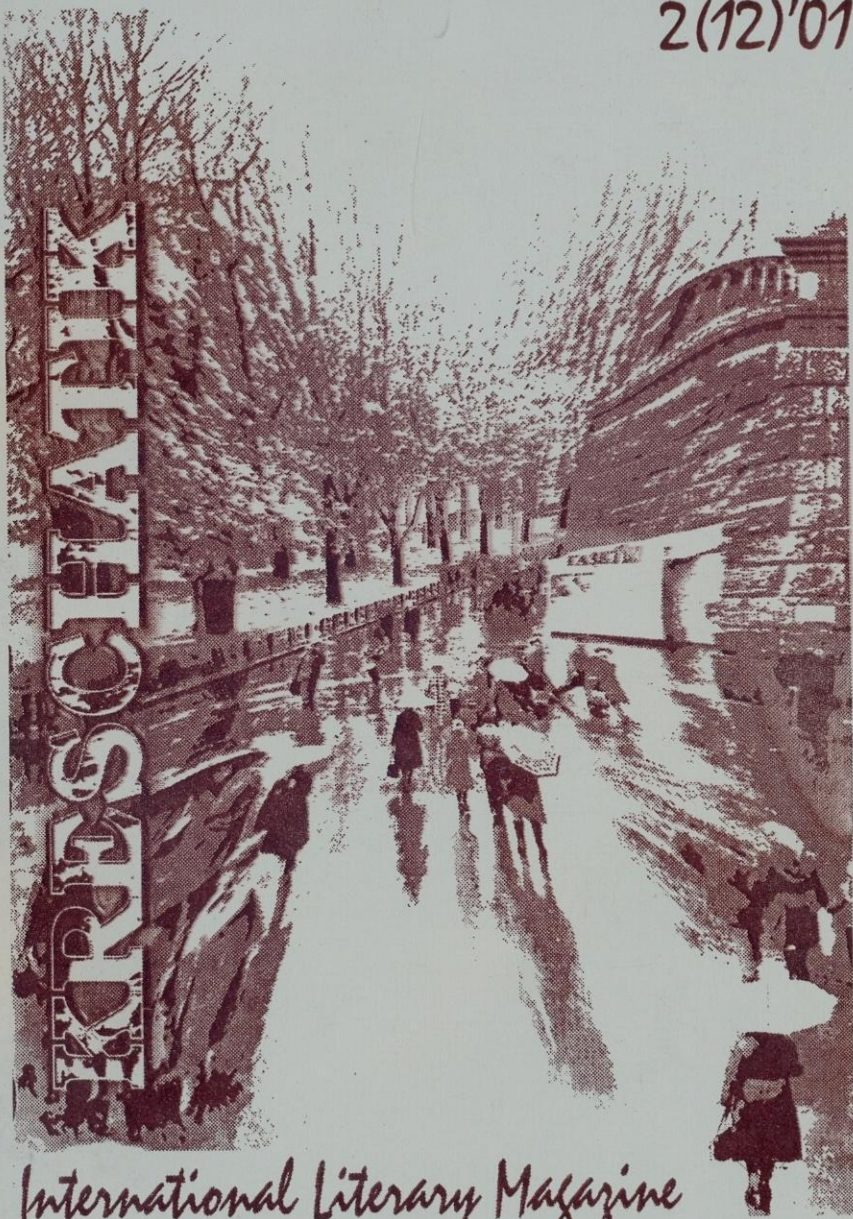

2(12)'01

International Literary Magazine

**Главный редактор
Борис Марковский**

Редакционная коллегия:

**Марк Нестантинер, Борис Херсонский,
Валерий Ярошевич, Борис Констриктор**

**Технический редактор
Георгий Власов
Секретарь редакции
Агла Жмайло**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При перепечатке ссылка на «Крещатик» обязательна.

Адрес редакции:

**Kreschatik, Seestraße, 24.
34519 Heringhausen, Deutschland.
тел. 05633-992278, 05633-99004
тел. в Киеве 290-03 -90
тел. в Москве 412-36 -67**

**www.kreschatik.demon.nl
info@kreschatik.demon.nl**

Содержание**Поэзия**

Илья Кучеров	Нас и помнить не надо... / Санкт-Петербург /	5
Борис Ванталов	Путеводитель. / Санкт-Петербург /	6
Александр Грабарь	За китайской стеной... / Дюссельдорф /	48
Илья Рейдерман	Под сводом оперных небес... / Одесса /	71
Зоя Эрохи	Чужое время. / Санкт-Петербург /	138
Лариса Щиголь	Сан-Микеле. / Мюнхен /	151
Валерий Прокошин	Киномания. / Калуга /	164
Борис Херсонский	Семейный архив. / Одесса /	193

В гостях
у «Крещатика»

Поэты
Сибири

Игорь Лоцилов / Новосибирск /	181
Борис Гринберг / Новосибирск /	184
Виталий Науменко / Иркутск /	187
Борис Доллгауз / Новосибирск /	189
Станислав Михайлов / Новосибирск /	191
Андрей Богданов / Иркутск /	231
Виктор Иванов / Новосибирск /	232
Владимир Монахов / Братск /	234
Владимир Назанский / Новосибирск /	235
Юлия Пивоварова / Новосибирск /	244
Андрей Щетников / Новосибирск /	245
Антон Сурнин / Новосибирск /	248
Владимир Светлосанов / Новосибирск /	252

Проза

Олег Губарь	Человек с улицы Тираспольской. / Одесса /	10
Кирилл Кожурин	Мет-Омар-фозы любви. / Санкт-Петербург /	52
Александр Кустарев	Похищение детей. Роман. / Лондон /	73
Дарья Симонова	Призрак декорации. Рассказ. / Москва /	143
Александр Зеленко	Удивительный мир. Рассказ. / Киев /	153
Владимир Порудоминский	Похороны бабушки в 1953г. Рассказ. / Кельн /	167
Валерий Черешня	Вид из себя. / Санкт-Петербург /	271
Александр Герасимов	Вокзал Шувалово. Рассказ. / Санкт-Петербург /	303

In memoriam

Л. Ващенко, Ю. Павленко	Виктор Некрасов. Письма из Франции. / Киев /	237
Мария Каменкович	На смерть Виктора Кривулина. / Санкт-Петербург – Регенсбург /	315

Новые переводы

Юдит Герман	Хантер-Томпсон-Музыка. Рассказ. / Берлин / Пер. с нем. А. Мильштейна. / Мюнхен /	253
-------------	---	-----

Из немецкой поэзии

Пер. с нем. М. Ключковского / Санкт-Петербург /	Гюнтер Грасс Герлинд Фишер-Диль	264 267
Пер. с нем. Б. Марковского / Димельзее /	Райнер Мария Рильке	297

Из японской поэзии

Пер. Р. Заславского / Киев /	Кокан Сирэн Сэссон Юбай Дзякусицу Гэнко Дзэккай Тюсин Итю Цудзё	308 308 309 309 310
---------------------------------	---	---------------------------------

Контексты:

эссеистика, критика, библиография

Мария Каменкович	Удерживаясь на гвоздях имен.	130
Игорь Лоцилов	Поэзия в Новосибирске. / Новосибирск /	178
Виктор Летцев	«Касталия» постмодернизма...» / Киев /	311
Мария Галина	Двойное зрение. / Москва /	316
Юрий Колкер	Богоискательство у Боратынского. / Лондон /	324
Вадим Перельмутер	Апология интеллигенции. / Мюнхен /	329
Грета Ионкис	Нина Воронель. Тропой детектива. / Кёльн /	334
Анна Парчинская	Беззаконная комета. / Афула /	338
Наум Басовский	«Уж если читать, так поэтов...» / Ришон-ле-Цион /	342

Латинский квартал

Игорь Лоцилов	Новые времена. Рассказы.	346
Сергей Тиханов	Короткие тексты. / Новосибирск /	354
Борис Юдин	Карьера. Рассказы. / Нью-Йорк /	357
Мария Галина	Записки просто так.	387
Александр Заяц	Картинная галерея соц-арта. / Нью-Йорк /	402
Игорь Кочевых	Переделки. / Киев /	403

Виктор ЛЕТЦЕВ

/ Киев /

«Касталия» постмодернизма и иная реальность

*«Говорю так не потому, чтобы я уже достиг,
или усовершенлся; но стремлюсь...»*

Апостол Павел, Фил., 3:12

«Кризис вымысла», о котором писала Лидия Гинзбург в недавнем прошлом, — событие, видимо, лишь стартовавшее, лишь разворачивающееся и оттого пока не очень заметное. «Вымысел» — эта главная составляющая литературной конструкции — по-прежнему волнует и обольщает души. Кроме того, ощущение кризиса в сферах духовных — вещь принципиально субъективная, зависящая от уровня и устремлений конкретного индивида, динамики его психического развития, и потому то, что исчерпано для одного субъекта, — может находиться в полном расцвете для другого. И невозможно исчерпать его оптимизм. Потому, не предрекая никаких неизбежностей ни на завтра, ни на послезавтра, попробуем посмотреть на некоторые литературные явления как на симптом, указующий на развертывание вышеназванного события.

Теоретические исследования природы художественного вымысла, так называемые теории «фикциональности», понимают вымысел как жанр, опирающийся на конвенцию. Конвенция, или негласное соглашение о переживании вымысла как реальности, и есть, таким образом, условие восприятия литературы, условие ее существования и воспроизводства. Поэтому бытийный статус литературной реальности напоминает детское «понарошку»...

Поэзия всегда как-то «не покрывалась» понятием литературы (вспомним хотя бы верленовское отмежевание истинной поэзии от подделок: «все прочее — литература»). Но все же вымысел, в общем, принято считать квинтэссенцией поэзии. Однако так ли это? Так, но лишь с некоторых пор. Секуляристическая установка, изменившая лицо всей культуры и приведшая к появлению литературы Нового Времени, изме-

нила и существо поэзии. И если едва ли не первые (что очень примечательно) упражнения отцов-создателей современной отечественной поэтической традиции (Ломоносов, Сумароков, Тредиаковский) — это подражания Псалтири (вечный образец подлинной лирической поэзии), то очень скоро этот образец (где предмет поэтического обращения — реальнейшее из реального) сменяется иными образцами, — Поэта начинают увлекать «поэзии ребяческие сны». Вымысел становится главным конструктивным моментом литературы и преимущественным критерием поэтичности.

На что же указывает симптоматика, выявляемая при исследовании современной литературы, поэзии? Прежде чем обратиться к ней, следует заметить, что речь у нас пойдет не о «детской» (типологически) литературе и поэзии, для которой абсолютно «безответственный» вымысел (т.е. «самовыражение» от избытка чувств), — и есть смысл существования, и не о «фольклоре», для которого бессознательность в развитии средств выражения — главная причина отождествления вымысла и реальности. Нет, речь у нас о литературе и поэзии хотя бы отчасти вмняемой, т.е. рефлектирующей традицию, оценивающей плоды своего труда и осмысливающей свои перспективы.

Для знакомых с разборами постмодернистской литературы, пожалуй, достаточно будет и ключевых слов из ее описаний, чтобы уяснить ситуацию. Постмодернизм с его «отчуждением», «опустошением», «исчерпанием» и бесчисленными смертями (смерть автора, текста, языка, трагедии и т.д.) лучше всего обнаруживает «фикциональность» литературы. Другой вопрос, что все это носит еще и игровой характер, т.е. сами эти заявления, остаются в границах фикциональности, потому ничего здесь и не происходит всерьез, потому-то и нет никакой настоящей «трагедии».

«Концептуализм» (в нашем примере литературный) является одним из примечательнейших плодов отечественного постмодернизма и едва ли не самым благодарным (ибо перебрал чуть ли не всю болезненную симптоматику) явлением для понимания проблемы «фикциональности». Он весь — обнажение фикций, вымысла, сделанности литературы (*fiction*) и не литературы.

Одной из самых разнообразных по формам и жанрам является концептуальная «поэзия» Д.Пригова. Не будучи ни пародией, ни иронией в привычном понимании, его стихотворные продукты являются скорее трансформированными стилизациями, особого рода имитирующими конструкциями, имеющими несколько функций. В целом ряде текстов отстраняющая, объективирующая имитация призвана именно обнажить «вымысел», подчеркнуть фиктивность знака без реальности, разоблачая тем самым конвенциональность, условность литературного текста, а также и фиктивность литературоподобных утопико-идеологических конструкций. Главный пункт, на который направлено переконструирующее усилие концептуализма — это разрушение конвенции, на которой дер-

жится имитируемый текст. Такое «снятие» конвенции задается декларируемой автором общей установкой (концепцией) на восприятие всех концептуальных текстов как пародирующе-имитирующей стилизации, а также создается частными литературными приемами построения каждого отдельного текста. Разрушение конвенции о реальности представленно в тексте является, таким образом, основным заданием концептуалистской «деконструкции». В этом и заключается познавательная «ценность» его «внеоценочных» текстов, и этим объясняется возникающее при восприятии концептуальных продуктов специфическое чувство.

Выход не только из принудительности идеологических «фикций», но и вообще, из «художественной обольстительности искусства» (Вяч. Иванов) явился главным, может быть, недостаточно осозанным, стремлением концептуализма. Удался ли ему такой «выход»? Отнюдь. Если соцреализм, явившийся грандиозным итогом развития литературы, апофеозом литературности («фикциональности») и ставший художественной составляющей социальных утопий — это конструирующий вымысел, то «концептуализм», ставший антитезой соцреализма и имитирующий его вымышленные конструкции, сам является вымышленной конструкцией, деконструкцией вымысла с помощью вымысла, т.е. фикциональностью в квадрате. Восприятие таких текстов также покоится на конвенции, но здесь подразумевается не присутствие, а отсутствие обозначенной в них реальности. Концептуализм не именуется никакой иной реальностью, не обращается к ней, а только «дереализует» наличную, являясь ее разрушением, опустошением, «снятием». Подлинного познания, встречи с иной реальностью здесь, конечно же, не происходит. Не назовешь ведь подглядывание — встречей или познанием. Концептуалистская «дистанция» — тоже «фикция», ибо устанавливается между мной и моей же конструкцией.

Если в своей «деконструктивности» концептуализм выявляет симптоматику «кризиса вымысла», то в своей невозможности выйти за пределы «фикциональности» он оказывается симптоматикой слабости и, в определенном смысле, недоразвитости сознания постмодернизма.

Скрытая романтическая установка концептуализма, проявляющаяся в неприятии им литературной условности и развитая далее в направлении борьбы со всякой конвенциональностью, повреждена, однако, современным позитивистским рационализмом, не принимающим всерьез романтического стремления к Безусловному, благоговения перед «тайным» и «невывразимым». Отвергая условное, он не принимает и безусловное. «Сокровенное» выносится за скобки... «Концептуального» автора интересует не оно само, но процесс «обнажения», техника развоплощения, т.е. Искусство и Игра. Он боится встречи с иным, бежит от него. Однако разрушение условности псевдореальностей вне такой встречи превращается в нескончаемую Игру (ключевое слово постмодернистского дискурса). Игровое бегство по кругу становится умопомрачительным самозабвением, выйти из которого возможно лишь «придя в сознание»...

«Концептуализм» внушил стыд по отношению ко всякой «искусственности», ко всякой условности, но исподволь и ко всякой открытости и проникновенности. Познающая проникновенность заменена у него стесняющимся подглядыванием, а открытость выражения чувства и мысли — имитирующей игрой. За этим — глубоко спрятанные страхи перед устращающей реальностью безусловного, перед встречей с иным, иррациональным...

Принципиальная «смехотворность» концептуальных текстов, направленных на обнажение-развенчание, имеет целью высмеять не только серьезность «фикций» официальной идеологии и литературы, но и мысли-переживания «простодушных», принимающих «знаки» за реальность. Курс берется на разрушение наивной чувствительности мифологизирующего сознания... Но что есть сам «концептуализм» с его неразличениями внутри реальности и псевдодистанциями? И бесчувственное слабоумие лучше ли чувствительного простодушия?

Расставание с «сентиментальной» литературой не может означать отказа от прямого выражения чувства, измениться должна лишь его глубина и реальный предмет. Расхождения путей «сентиментальной» (чувственной) и духовной (умственной) культур, о котором свидетельствует обозначенный «кризис», как раз и порождает подлинную дистанцию, ведущую к возрастанию Ума и углублению Чувства.

Итак, идол знака разбивается, конвенция о реальности вымысла разрушается. Условное перестает указывать на свою реальность, «истлевает»... Открывается возможность Встречи с реальностью безусловной, не объектно-вещной и преходящей, а с абсолютно Иной. И это путь к подлинной, не «игровой» свободе, к подлинному, созидающему отношению, к обретению истинного, глубинного Я. Постмодернизму, исчерпавшему все смыслы и содержания, обнажившему почти все фикции и разрушившему почти все условные механизмы, постмодернизму, в страхе бегущему от этой реальности, в конце концов придется сделать Выбор и — либо, исполнившись мужества, пережить ужас своего бытийного ничтожества (обретая, однако, надежду), либо с полпути вернуться назад и отдалиться фатальности карнавальная развязки...

Способен ли постмодернистский Поэт стать в какое-то отношение не к собственному вымыслу, а к подлинной реальности и, преодолевая страх и боль, открыться реальности Безусловного, найти в себе мужество быть? Сможет ли он найти выражение для нового, личного опыта (не формального «исповедания»), опыта живой эмоциональной связи с Абсолютно Иным — или это сделает уже следующий за ним?..